

Стихотворения, автор: Кристина Кармалита

Всё дело в том, что человеку
на деле – нечего сказать.
Вот он стоит, глядит на реку,
вот закрывает он глаза,

лоб сморщивает, хмурит брови
и – как рыбак на берегу –
слова испуганные ловит
и складывает в строку.

Сперва они ещё живые –
зевают пересохшим ртом.
Сверкают плавники цветные
на ярком солнце, а потом

всё реже, реже трепыханье
весёлых радужных хвостов,
и наступает слов молчанье,
и буквы падают под стол...

А человек глаза откроет,
посмотрит на речную гладь –
его глаза налиты кровью,
но – нечего ему сказать.

***

Зима, зима! Сестра моя и мать,
родная, злая, горькая стихия,
позволь мне мягко перезимовать
и не сердись, что всё пишу стихи я

не о тебе. Не о твоей красе,
не о твоём холодном постоянстве,
а только о своём вечернем пьянстве
да о какой-то чёрной полосе –

опять своей! – вполне благой судьбы.
Зима, ты знаешь больше человека,
прости меня, как хитрого узбека
прощаем мы за незаконный сбыт...

А близких не прощаем никогда.
Но ты, зима, не вспоминай об этом,
и как-нибудь невыносимым летом
пришли мне телеграммой холода...

Так, получив в июле милый снег,
зима, я завершу стихотворенье:
прости меня, мой близкий человек,
прими моё январское прощенье.

***

А все равно – придётся умирать,
надеть костюм красивый и печальный,
какую-то фигню не досказать
и в облаке коричневом отчалить.

Лететь во тьме высоко над землёй
и видеть: как же, Боже, много света
дарилось мне и отвергалось мной...
Но лишь во тьме я осознаю это.

И лишь тогда начну я понимать,
как было хорошо на самом деле
всего бояться, ничего не знать
и до утра ворочаться в постели.

***

Вот и октябрь уже из круга выбыл –
всё близится к зиме,
и если снег сегодня утром выпал –
он выпал обо мне.

Белеет за окном бескрайний холод,
болеют тополя,
и кашляет уже мой бедный город,
а где-то в нём и я

иду по снегу – тихая, пустая,
как на последний суд
и скорой на дороге уступаю –
а вдруг меня везут.

***

И вино, говорят, не вино, а один порошок –
всё в России не так, даже птицы летят как-то худо.
Новогоднюю ель окружают советские блюда,
и скрипит за окном неприветливый русский снежок.

Я сказала: не будет меня до конца января.
Мне ответили: ах, вы, конечно, ту-ту за границу?
А я враз обернулась обычной серою птицей
и – ту-ту – усвистала в родные леса и поля.

Ледяную страну свою домом навеки избрав,
я со снегом кружилась, ныряла в густые сугробы
и – как будто бы заново из материнской утробы –
выплывала нагая, не зная ни зла, ни добра.

Укачала меня в колыбели таёжной метель,
и руками белёсыми русский обветренный холод
обучал вечерами уколами хвойных иголок,
как согреть и украсить застывшую в сердце постель.

И когда изловчилась я вьюгой лицо защищать
и ходить по зазубренным льдинам, как будто по шёлку,
в темноглазом лесу новогодняя старая ёлка
научила меня белоснежные песни слагать.

До конца января я вернулась, стихами полна,
и запела у серых домов снегурём красногрудым.
«Всё в России не так, даже птица поёт как-то худо» –
дорогой и знакомый послышался вздох из окна.

***

Над городом – пасхальный перезвон.
У мамы всё готово для обеда,
и я, поднявшись в полдень, к маме еду
и на ходу застёгиваю сон.

Во сне весна и верба за окном,
и на губах победная молитва –
окончена очередная битва,
и поле брани в холоде стальном,

и я как будто ангел в поле том.
Чернеют лица павших в лунном свете
косыми ранами, и раны эти
я исцеляю огненным крестом.

И тот, кто был посланником небес,
и кто на бой из под земли поднялся –
все, оживая, я могу поклясться,
поют один куплет: Христос воскрес!

Христос воскрес, оплатим за проезд!
Автобус. День. Расстегиваю куртку.
Громоподобный праздничный кондуктор
в конец салона сквозь толпу пролез.

Возьми, кондуктор, деньги и оставь
меня с моими ласковыми снами,
нас всех когда-то дерево познаний
стреножило и выбросило в явь –

с тех пор мы любим спать и сочинять,
и на застольях поднимать бокалы...
Верни, кондуктор, сдачу, что упала,
и расцветёт с тобою благодать.

Скандал. Автобус. Выбираюсь вон.
Обед. Диван. Усталость. Телевизор.
Любовью беспредельною пронизан –
над миром всем – пасхальный перезвон.

***

Как мало стен в однушке для двоих!
Захочешь быть хоть сколько-то поэтом,
Закроешься, зачнешь тоскливый стих,
Заходишь ты – за ручкой, за советом –

на пять минут. Проходит два часа.
Тебе звонят, ты куришь на балконе...
И света вечереет полоса,
и щёки упираются в ладони.

Квартплата, власть, фейсбук, электорат,
культура, самиздат, литература...
И сам ты собеседнику не рад,
и падает окурочек на окурочек.

А я уже пролезла две стены,
я съела все конфеты из коробки,
но никакие буквы не видны
на ровно сложенной бумажной стопке.

И никакие не видны стихи
в ближайшем будущем, как равно и в далёком,
и нужно рыбу чистить для уха...

И нет смешнее в мире чепухи,
чем навалить любимому с намёком
вот эти стихотворные штрихи.

***

Куда пойти из дома сонного
за дорогими разговорами?

Гудит пространство законное
словами вздорными, раздорными.

Зайдешь в какую-нибудь комнату,
робея дружбы и поэзии,
а попадешь в кружочек сомкнутый,
где все о памятниках грезят.

Я тоже, в общем, из беспамятных,
но помню слово изначальное,
и я прошу: поставьте памятник
моим родителям печальным.

Они меня из крови сделали,
из собственной горячей крови,
и ничего они не ведали
на свете, кроме глаз коровьих.

И ничего они не видели,
а только маялись, работали,
а мира солнечные жители
на их плечах толклись обутыми.

И всё держалось, да и держится,
пока на кухне ранним утром
фиалки розовые нежатся –
на подоконнике протертом.

Фиалки розовые, синие –
согреты маминой рукою,
а папы руки парусиновые
растили нежностью другою.

Конечно, было горе детское
и слёзы – страшные, бессонные –
но в этом тоже есть последствие
любовью вечною спасенных.

Не жизни ярким победителям
и не поэтам этим скверным,
прошу, а памятник родителям
поставьте в Первомайском сквере.

***

Ты зашел. Я подумала: навсегда.
Через час «навсегда» стало местом теней,
Ты ушел через дверь, неизвестную мне

В моем мире простых городских фонарей,
Прихватив невзначай волшебство.
Ты схватил его так, как хватают листок –
Мимоходом, с прогнувшихся низко ветвей,
И не важно ни дерево, ни эта плоть,
Уходящая в холод на теплой руке –
Это просто привычка у рук...

Ты унес волшебство городских фонарей –
Невзначай, мимоходом, не важно, никак
Не заметив свой легкий хватающий жест.
И я тихо брожу среди этих огней,
Средь высоких, беззвучных, холодных огней
И не помню, зачем они здесь...
Ты ушел, ты растаял, тебя не найти.
Ты пути не искал, ты дорог не хранил.
Исчезает следов твоих черный пунктир, –
Ты зашел, не пришел – проходил.

***

В ночной засаде страхов и стихов,
В бессчётном преступлении завета
Не то страшит, что не простят грехов,
Но мрак иной терзает до рассвета –

Придёт тихонько ласковый покой,
И, не жалея, выведут чернила:
Жила, болела корью и тоской,
И никого на свете не любила.

***

отрыдают любые печали
опрокинется счастья стакан
на коротком и горьком причале
повстречает хмельной капитан

небольшой, но надёжный корабль
обрисует последний предел
пусть бы, Господи, только журавль
над моей головою летел

***

Какая жизнь пошла тяжёлая,
какая злая суета...
Огромным городом изжёвана,
приду домой – слаба, пуста.

Улягусь в ванну разусталая –
плывут над ванной облака.
Вот облако одно растаяло,
и светят звезды с потолка.

***

Я напишу тебе стишок
о том, как – раз, два, три –
прекрасен утренний снежок
и яркие фонари,

о том, как хорошо вставать
под музыку рассвета,
о том, как – три, четыре, пять –
я ненавижу это.